

и про ея величество государыню императрицу». Феодосий давно уже обратил на себя внимание неподходящим для духовного лица роскошным образом жизни, своим сребролюбием, но не это было поставлено ему в главную вину. Как видно из целого ряда показаний, полученных следственной комиссией от свидетелей — духовных и светских, Феодосий не только громко осуждал некоторые мероприятия Петра (когда они касались материального благополучия монастырей и духовенства вообще), но особенно после его смерти стал обнаруживать строптивость и неповиновение некоторым распоряжениям, исходившим от Екатерины. Этим он дал против себя оружие в руки своих конкурентов, и члены Синода, во главе с Феофаном Прокоповичем, расправились с ним до конца. Принципиальности искать в деле против Феодосия излишне: с одной стороны, здесь было желание удалить сильного и властного соперника, с другой — стремление свести счеты за старые обиды (см. показания Сильвестра Холмского).

В итоге следствия Феодосию был предъявлен ряд пунктов. Кое в чем он сознался, добавив, впрочем, что «говорил от глупой ревности, чаял, что к добру, а не от злобы или к замыслам каким злым». От большинства обвинений он отговорился: «говорил ли или нет, под судом божием истинно не помню». Тем не менее Феодосий непривычно для него смиренно закончил свое ответное показание так: «И хотя б на вышенианные пункты никакого болши доказательства не было, однако пред ея величеством согрешившему и то довольно есть на осуждение: того ради, припадая к стопам ея величества, милостивейшего просит помилования и пощадения». Ни того, ни другого не последовало. 11 мая 1725 г. был объявлен указ императрицы: «Феодосия за учиненныя в церкви божией противности и непристойные слова, вместо заслуженной смертной казни, от синодского правления, новгородской епархии и архимандрии монастыря александро-невского отрешить и сослать в дальний монастырь, а именно в корельский, который на устье реки Двины, и содержать его там неисходно». 21 июня Феодосий был водворен в одной из подцерковных светлиц Никольского корельского монастыря. Но и этого показалось мало его врагам: 17 октября 1725 г. приехал из Петербурга граф Мусин-Пушкин, в его присутствии холмогорский архиерей снял с Феодосия архиерейский и нерейский сан, и простой чернец Федос был запечатан «в тюрьму каменную, неисходную», где сняли даже, как излишнюю роскошь, деревянный пол. После тщательного обыска тюрьму запечатали. До января 1726 г. Феодосий жил в этой темной и холодной келье. Когда вспомнили о нем и приказали улучшить его содержание, было уже поздно: переведенный в лучшее помещение, Феодосий умер 3 февраля 1726 г.

Следственное дело сохранило нам показания против Феодосия, его ответы, но, конечно, истинные причины всего этого «дела» — борьба честолюбий, борьба за власть — в нем скрыты. Только в одном показании отчетливо видны и личные мотивы, диктовавшие показания.¹

¹ Это «объявление» без указания имени автора впервые издано при статье Г. В. Есипова «Чернец Федос», Отеч. Зап., 1862, июнь, стр. 535—537, и вторично — уже с именем Сильвестра, архиеп. казанского, в книге И. Чистовича, «Феофан Прокопович и его время», 1868, стр. 705—709, по рукописи архива Синода № 292, 1731 г.